

Пост-историзм и конец историцистского проекта: к вопросу о преодолении исторического релятивизма в аналитической философии¹

Статья посвящена рассмотрению теорий пост-историзма в аналитической философии истории. Подчеркивается, что пост-историзм изначально выступает критической позицией по отношению лингвистически ориентированному историческому релятивизму. Теоретики пост-историзма подвергают критике дискурсивное понимание предмета истории, а также взгляд на историка как на автора. Они осуществляют парадигмальный поворот от языка историков к анализу исторического опыта (понимаемого, как особый, «возвышенный» опыт). Отмечается, что в центр теорий пост-историзма ставятся такие категории, как «нарратив», «прошлое», «память», «метафора», «репрезентация» и др. Нарративистский подход включает в себя предположение, что историк работает не с событиями прошлого, а лишь с интерпретациями прошлого. Главным историческим методом выступает реконструкция исторического опыта через продуктивное воспоминание. Возникает принципиально новая задача: создание множества локальных историй в виде нарративов, но без стремления создавать «метанарративы». Ретроспективизм в нарративном подходе заключается в стремлении историка пересказать определенную совокупность событий прошлого в виде текстуальной целостности. Целостность нарратива как исторического текста базируется не на лингвистическом, а на «эстетическом» принципе: ее фундирует присущее описываемому ряду исторических событий единство опыта – как действующих лиц этих событий, так и историка-интерпретатора. Аналитическая философия истории в эпоху пост-историзма стремится конструировать не дискурс, а нарратив, поскольку последний изначально апеллирует, скорее, к сопереживанию, а не пониманию или языковому родству. На первый план выходит понятие метафоры, включающая в себя символическую трактовку исторических понятий и обобщений, согласно которой возникает возможность «репрезентировать» прошлое. С точки зрения автора, можно основывать историческую эпистемологию на допущении символической трактовки исторического опыта и нарратива.

Ключевые слова: аналитическая философия истории, пост-историзм, нарратив, опыт, метафора, память, постмодернизм.

Post-Historicism and the End of the Historicist Project: on the Issue of Overcoming Historical Relativism in Analytical Philosophy

The article is devoted to consideration of theories of post-historicism in the analytical philosophy of history. It is emphasized that the post-historicism initially performs a critical position vis linguistically oriented historical relativism. Theorists of post-historicism criticized discursive understanding of the subject of history, as well as the view of historian as author. They provide paradigmatic turn from the language of historians to the analysis of historical experience (understood as a special, "sublime" experience). It is noted that in the center of the theories of post-

¹ Работа подготовлена в рамках проекта РНФ 21-18-000174 «Историзм как парадигма гуманитарных наук» (This article is written in the scope of project of Russian Scientific Fund 21-18-000174 "Historicism as a Paradigm of Humanities").

historicism are categories such as "narrative", "past", "memory", "metaphor", "representation", etc. Narrativists approach involves the assumption that the historian does not work with events of the past, but only with the interpretations of the past. Main historical method is the reconstruction of historical experience through productive reminiscence. There is a fundamentally new challenge: the creation of many local stories in the form of narratives, but without the desire to create "meta-narratives". Retrospectivism in narrative approach is the desire of the historian to recount certain events of the past in the form of textual integrity. The integrity of the narrative as a historical text is based not on linguistic but for the "aesthetic" principle: it is grounded on describing some historical events of the unity of experience as actors in these events, and historian as the interpreter. Analytical philosophy of history in the era of post-historicism seeks to design not discourse, but narrative, as the latter initially appealing, rather, to empathize, and not understanding or linguistic kinship. The concept of metaphors is proposed, involving the symbolic interpretation of historical concepts and generalizations, according to which there is a possibility of "how" the past. From the author's point of view, it is possible to base historical epistemology on the assumption of a symbolic interpretation of historical experience and narrative.

Keywords: analytical philosophy of history, post-historicism, narrative, experience, metaphor, memory, postmodernism.

Введение

Под «историцистским проектом» мы понимаем теоретическую установку, характерную для философско-исторических представлений представителей лингвистического релятивизма (окончательно сформировавшуюся к 1980-м гг.). Главным представителем выступает Ричард Рорти (R. Rorty). Согласно его точке зрения любое историческое событие является продуктом времени и случая, а любые исторические теории являются по своей сути дискурсивными и «авторскими». Под «пост-историзмом» (беря термин исключительно в контексте дискуссий в аналитической философии истории) мы понимаем теоретическую установку, согласно которой предметом исторического исследования является *реконструкция исторического опыта в форме нарратива*. При этом наблюдается критика идей «историцистского проекта», переход на позиции реализма и утверждение первичности опыта по отношению к языку. Нарративистскую философию истории мы обозначаем как «пост-историзм» еще и потому, что эта философия стремится выйти за пределы парадигмы, которая определялась идейной борьбой сторонников исторического универсализма (или историзма) и релятивизма. В ходе исследования мы делаем попытку конкретизировать теоретические установки пост-историзма и обосновать два предположения: 1. Философия пост-историзма выдвигает принципиально иные теоретические принципы, нежели теория историцистского проекта, что приводит к коренной трансформации на категориальном уровне; 2. Философия пост-историзма не всегда является последовательной критикой исторического релятивизма и субъективизма; мы пытаемся вскрыть, обозначить и подвергнуть критике эту составляющую учения сторонников пост-историзма.

Проблемы теоретической реконструкции исторического опыта

Каждый участник исторического события – будь это индивидуальный или социальный субъект – обладает опытом. При реконструкции исторического опыта возникают некоторые затруднения:

1. Мы можем безошибочно судить только о *наличии* опыта живущего в прошлом человека, но никак не о *характере* этого опыта. Ввиду того, что опыт в истории структурируется вокруг социальных, психологических, культурных, религиозных, эстетических феноменов – на уровне субъективного восприятия – можно предположить, что опыт Сократа, Цезаря, Данте или Наполеона – *существенно отличается* от опыта нас и наших современников.

2. В отличие от языка, опыт гораздо труднее зафиксировать в форме объективного источника информации. В принципе, не существует текстов, документов или иных артефактов, непосредственно передающих опыт. Поэтому мы вынуждены обращаться к косвенным источникам, преимущественно языкового характера: мемуарам, повествованиям, жизнеописаниям, литературным произведениям и т.п.

3. Поскольку опыт непосредственно переживается, его очень трудно закрепить в традиции и передать следующим поколениям. Феномены героизма или травматического опыта убедительно показывают, что, даже в случае сохранения в традиции памяти о прошлом, степень эмоциональной вовлеченности, вероятнее всего, снижается от поколения к поколению.

4. Опыт исторической личности нельзя рассматривать ретроспективно. Суждение о том, что Петрарка дал начало Ренессансу, подкрепляется ролью, деяниями и значением Петрарки в общем контексте Ренессанса. Но из этого вовсе не следует, что Петрарка *обладал опытом* «родоначальника Ренессанса». Наоборот, современные исследования убедительно доказывают, что основоположники Ренессанса (Данте, Петрарка, Боккаччо, Джотто и др.) по своему менталитету были, скорее, средневековыми людьми. Лишь впоследствии, в XVI в., сложилось представление о Возрождении как исторической эпохе.

5. Также возникает существенная эпистемологическая трудность: даже если (допустим) нам удастся засвидетельствовать и установить факт опыта человека в прошлом, в каком виде следует его транслировать? Язык носителя этого опыта может оказаться совершенно чуждым или непонятным, да и сам опыт прошлого затруднительно трактовать в виде установленного объекта.

С нашей точки зрения, одним из основных феноменов перехода от истории к пост-истории является отказ от помещения сознания историка в виде неподвижной «точки», по отношению к которой выстраивается «прошлое». Историк оказывается носителем опыта, существующего в моменте «сейчас» (актуального, современного), что дает целый ряд практических и теоретических преимуществ. Но само это положение «сейчас» оказывается помещенным в текучесть подобных положений; поэтому положение историка как «транслятора» опыта прошлого может быть весьма спорным. «Историк никогда не может быть “доверенным лицом”, через которого приобретается опыт прошлого, поскольку даже историк не обладает опытом прошлого как таковым», - отмечает Ф. Анкерсмит (F.R. Ankersmit) [1, с. 31]. По-видимому, Анкерсмит имеет в виду, что историк не передает, а *интерпретирует* опыт прошлого (подразумевая интерпретацию не в теоретическом, а, скорее, в чувственно-эмоциональном контексте).

Как мы полагаем, проблема заключается в том, что, при кажущейся субъективности, опыт человека прошлого не является *полностью преходящим*. Кроме того, при кажущейся

свободе интерпретировать этот опыт каким угодно способом, мы будем неизбежно упираться в тот факт, что *подобный опыт, взятый как событие, мог бы случиться без необходимости быть проинтерпретированным историком*. На это можно возразить: тогда подобный опыт так и останется психологическим феноменом; он не приобретет никакого *исторического* измерения. В качестве контр-аргумента выскажем следующее: феномен опыта человека в прошлом оказывается необычайно устойчивым к любой интерпретации. Постмодернистский императив: деконструировать и переописать нарративы прошлого оказывается совершенно недееспособным. Хотя физические и психологические события нельзя уравнивать, к феномену исторического опыта вполне приложим аргумент Рассела о нейтральности астрономического объекта по отношению к любым возможным научным описаниям этого объекта. Хотя опыт Цезаря не суть устойчивый и материально зримый объект, наподобие планеты Уран, он все же обладает *эпистемологическим иммунитетом* от стремления интерпретатора доказать, что он был «на самом деле» именно таким, как считает этот интерпретатор. В этой связи, постмодернистский проект в философии истории терпит неудачу: обладая практически неограниченной свободой переописания и авторской интерпретации, мы подходим к феномену опыта прошлого лишь косвенно. Нарративистский подход как завершение постмодернистской историографии совершенно справедливо включает в себя предположение, что историк работает не с событиями прошлого, а лишь с интерпретациями прошлого.

Пост-историзм: поворот от языка к опыту

Этап постпостмодернизма в философии истории, на наш взгляд, закрепил два фундаментальных положения относительно понимания того, что же было ошибочным в историографии постмодернизма. Во-первых, теоретики пост-историзма полностью уходят от рассмотрения исторического опыта как совокупности психологических актов опыта людей прошлого; на смену приходит понимание исторического опыта как *возвышенного* опыта. Во-вторых, в пост-историзме наблюдается окончательное падение лингвистического подхода к опыту. Как пишет Анкерсмит: «Из-за доверия к языку наш опыт претерпевает систематические изменения и мир раскалывается на две части: на ту часть, которую мы видим и воспринимаем, принуждаемые языком, и на ту непостижимую реальность *как таковую*, которая опережает и превосходит мир, данный нам в языке и через язык» [1, с. 5]. Подобный подход, как представляется, оказывается ложным; Анкерсмит полагает, что решение проблемы видится в признании суверенной «территории» возвышенного исторического опыта.

Поскольку феномен опыта прошлого не имеет завершенности в себе, он изначально является историчным. Любой самый замкнутый и частный опыт встраивается в совокупность уже существующих актов опыта и их интерпретаций. Анкерсмит и другие нарративисты полагают что «акта опыта прошлого» не существует, если под этим иметь в виду эпистемологический объект. Допустим, мы реконструируем момент биографии Цезаря и говорим: «Цезарь колебался по поводу того, стоит ли переходить Рубикон». Как мы полагаем, достижение эмпирической истины в виде точного установления того, каков был индивидуальный опыт Цезаря по этому поводу (если это возможно) не дает историку существенных дивидендов. Историография интуитивно права, когда интерпретирует этот момент биографии Цезаря в контексте нарратива военной истории; Цезарь воспринимается как полководец, а не как частный субъект. Поэтому историография сосредоточивается на

«деянии» Цезаря, как результате его выбора, а не на мотивах выбора как причинах деяния. Исторический опыт – даже связанный с отдельной личностью – носит возвышенный характер уже потому, что он сразу выступает интерпретированным в рамках того или иного символического ряда. Исторический опыт – не психологическое, а, скорее, культурное («традиционное») событие. Он является таковым опытом в воспроизведении, подражании, особой «конгениальности», «сопереживании». Нарративная форма, романтизируя историю, поэтому, активно задействует «эпические» и «тропологические» подходы, в осуществлении которых феномены сходства или отличия, принятия или отторжения, восхищения или презрения значат не меньше, нежели убежденность в истинности, достоверности, правдоподобности описаний.

Исайя Берлин (I. Berlin) пишет: «Может быть, самая глубокая пропасть, которая разделяет историческое исследование от естественно-научного, состоит в различии между тем, как смотрит на мир сторонний наблюдатель и как смотрит на него участник событий» [2, с. 73]. Для пост-историзма характерно стремление оказаться от формалистических подходов, стремление к реконструкции «непосредственного» опыта, максимально свободного от последующих наслоений или подавления институциональными нормами. Нарративистский проект, как нам кажется, удачно дополняется проектами «устной истории», «истории частной жизни», «истории идей», «круговорота образов» и др., в рамках которых осуществляется не только исследование, но и «хранение» (используя выражение Хайдеггера) исторического опыта. Теоретический ход Берлина позволяет допустить, что, в качестве восприимчивых и интерпретаторов, мы остаемся (пусть и косвенно) участниками истории, внося свою лепту в сопереживание и понимание, осуществляя символические проекции. Как полагает П. Бёрк (P. Berk), пост-история уже перестает быть «интеллектуальной», а становится «культуральной» историей, ввиду того что историк сосредоточивается на практических аспектах событий и деяний, а не на их теоретических или лингвистических интерпретациях. Пост-историзм отходит от трактовки исторического агента как «интеллектуала» (Фуко, Рорти), согласно которой от историка требуется установить, о чем размышляли передовые и просвещенные умы, какими целями они вдохновлялись. На смену интеллектуалу приходит «культурал» (термин В.В. Савчука), который скорее чувствует и действует, нежели размышляет. Мы согласны с Ю.Л. Бессмертным в том, что пост-историзм тяготеет к относительно замкнутым, дискурсивным, намеренно «незначительным» обобщениям, стремясь достигнуть за счет такого подхода реконструкции экспрессии действующих исторических лиц с последующей максимальной эмоциональной вовлеченностью в контекст описываемой эпохи.

Мишель Фуко вывел конец человека и понимание субъекта как переменной дискурса в качестве основоположений постмодернистской философии. Применительно к истории это означает закат идеи исторической личности. Пост-историзм в ходе поворота от языка к опыту стремится вернуть в историческое исследование гуманистическое содержание. «История приобретает новое измерение, как только в качестве “сырья” начинает использоваться жизненный опыт самых разных людей», - отмечает крупнейший теоретик устной истории П. Томпсон (P. Thompson) [3, с. 17]. Отказ от историцистского и интеллектуалистского подхода позволяет внести в историческое исследование умеренный *традиционализм*, эпистемологическим основанием которого выступает уникальность исторического опыта и субъекта как его носителя. Мы отныне - в рамках пост-историзма – уже не смотрим на древних греков как представителей самой «развитой» народности своего времени, а, скорее, воспринимаем их как носителей уникального и по-прежнему значимого для нас опыта. В качестве примера, где утверждается этот уникальный опыт, можно

привести исследования композиции и сюжета платоновских диалогов Р.В. Светлова и изучение политических практик древних Афин Н. Лоро. В обоих случаях авторы стремятся избежать помещения дискурса в тот или иной априорно заданный «широкий контекст»; на первый план выходит анализ неповторимости и уникальности, свойственных именно этой личности, этому народу и этой культурной практике. Здесь нет релятивизма, потому что не делается никаких утверждений о равнозначности или множественности дискурсов и интерпретаций. Так или иначе, приоритетной оказывается *реконструкция* опыта, понимаемого как разворачивающееся во времени «иное», как «*событие бытия-в-мире*, историчность присутствия» [4, с. 388]. Методологию такой реконструкции предлагает Н. Ландгребе (N. Landgrebe). «Но прошедшее можно вспомнить и целенаправленно, и это воспоминание будет воспоминанием о том, что Это само испытало как опыт. Никто не может таким же образом, непосредственно помнить прошлый опыт других. Возможно, конечно, помнить сообщения других о ранее испытанном в собственном опыте. Но тогда только это сообщение будет являться воспоминанием», - пишет он [5, с. 186]. Подводя итог суждениям об историческом опыте в пост-историзме, можно предположить, что главным историческим методом выступает реконструкция исторического опыта через *продуктивное воспоминание*. На арене исторического сочинения преследуется стремление предоставить «голос» фрагменту прошлого, «оживить», «очеловечить» его. Герменевтическая идея возможности интерпретации и конгениальности через выстраивание коммуникации понимается в духе эпистемологического, а не лингвистического анализа. Аналитическая философия истории в эпоху пост-историзма *стремится конструировать не дискурс, а нарратив*, поскольку последний изначально апеллирует, скорее, к сопереживанию, а не пониманию или языковому родству.

Пост-историзм: критика нарративистского подхода

Преодоление свойственного постмодерну исторического субъективизма и релятивизма закономерно осуществляется в рамках пост-историзма (делаем акцент именно на приставке «пост») за счет усиления ретроспективного подхода. С эпистемологической точки зрения можно допустить, что любое переописание прошлого возможно лишь на уровне интерпретации; тогда как само *событие прошлого* оказывается недостижимым. К примеру, можно по-разному интерпретировать события Столетней войны, но ни одна возможная интерпретация не может игнорировать факты участия в войне Франции и Англии или личность Жанны Д'Арк.

С нашей точки зрения, уместно провести аналогии пост-историзма с ретроспективными течениями в искусстве начала XX в., представители которого ставили целью обращение к классике и преодоление модерна. В русском архитектурном неоклассицизме, к примеру, зодчие обращаются к приемам итальянского Ренессанса (которые, в свою очередь, переработанные приемы архитектуры Рима). Мы стремимся подчеркнуть, что цитирование и копирование наблюдается только на внешнем декоративном уровне; в сущности же решается принципиально новая задача возведения крупных общественных зданий, банков и доходных домов. Мы полагаем, что нарративистская форма современной историографии лишь по форме использует реконструктивные подходы Мишле, Шпенглера, Коллингвуда, Кассирера и др. Возникает принципиально новая задача: создание множества локальных историй в виде нарративов, но без стремления создавать «метанарративы» и без стремления превратить нарративную методологию в форму всеобщей исторической теории. Однако

здесь присутствуют определенные затруднения. Если посмотреть на композицию, то тропология Уайта (H. White), аналитическая философия истории Данто (A. Danto) или нарративная логика Анкерсмита не смогли полностью отказаться от имиджа *еще одной универсалистской* методологии философии истории. Любая история возможна только в форме нарратива, - пожалуй, так можно обозначить всеобщее положение этой философии. Однако нарратив, в отличие от теории, является текстуальным; поэтому он частично вбирает в себя характерные черты маргинальных дискурсов, произведений художественных, а не научных. Современные англоязычные философы истории часто употребляют понятие «story». В английском разговорном языке это слово может переводиться как «история», но не в научном смысле, а в смысле связного и занимательного изложения определенных событий, т.е. в смысле *рассказа*. А. Данто подчеркивает: «Задача истории как раз и заключается в том, чтобы знать события не так, как их знали очевидцы, а как знают историки – в связи с более поздними событиями и в контексте времени» [6, с. 177]. В отличие от художественного ретроспективизма, историк не может прямо «цитировать» фрагменты прошлого, наподобие того, как М. Перетяткович цитирует декоративные приемы флорентийских и венецианских палаццо на фасаде здания доходного дома Вавельберга (Санкт-Петербург, Невский пр., 7 - 9; 1912 - 1914). Ретроспективизм в нарративном подходе заключается в стремлении историка *пересказать* определенную совокупность событий прошлого в виде *текстуальной целостности*. Наподобие того, как эпос буквально не воспроизводит события героической борьбы народа, подчиняя все события поэтической форме и общему пафосу, нарратив *не является ни воспроизведением, ни осмыслением прошлого*. Нарратив выступает *репрезентацией* прошлого в том виде, как его понимает историк, но непременно в виде «нарративной субстанции», т.е. целостного, панорамного, типического воззрения, сочетающего аспекты обобщения и интерпретации. Ф. Анкерсмит совершенно справедливо подчеркивает *нео-герменевтический* аспект нарративизма. «Философия языка XX столетия была философией высказывания или суждения независимо от того, интересуемся ли мы употреблением языка в повседневной жизни или в науке. Иначе говоря, она никогда не обращалась к проблемам текста или повествования», - пишет он [7, с. 8]. Нарратив существует в форме исторического *текста*, в рамках которого лингвистический анализ уже не играет существенной роли. Как мы уже подчеркнули выше целостность нарратива как исторического текста (повествования, рассказа) базируется не на лингвистическом, а на «эстетическом» (в кантовском смысле) принципе: ее фундирует *присущее описываемому ряду исторических событий единство опыта – как действующих лиц этих событий, так и историка-интерпретатора*.

Поскольку нарративы по своей природе не только эмпиричны, но и дискурсивны, они могут казаться (особенно по внешнему имиджу) весьма фундаментальными. Обратим внимание на три коллективные многотомные исследовательские проекта последних десятилетий: «История частной жизни», «История тела» и «История женщин». Судя по заглавиям, эти проекты претендуют на всеобщность. Однако, обращаясь к содержанию, мы видим панораму относительно самостоятельных и довольно специализированных исследований, где во главу угла ставится конкретный аспект (например, исследование прав вдов в отношении имущества, отношение к телу как к машине в XVIII в., образ жизни римского патриция на загородной вилле и т.п.). Одно из противоречий нарративного подхода заключается в том, что значительный потенциал для создания обобщающих историй распыляется на частные «*микроистории*», в рамках которых рассматривается либо заведомо специфический аспект представленного исторического периода (например, жизнь и быт гладиаторов), либо «сквозная тема» (например, история женщин), позволяющая выстраивать вокруг нее весьма обширный дискурс, практически независимый от

ограничений места и времени. И в первом, и во втором случае, мы имеем дело с микроисториями. Как пишет Э. Бёрк: «Микроистория была ответом на растущее разочарование в так называемом “великом нарративе” прогресса, развития западной цивилизации через Древнюю Грецию и Древний Рим, христианство, Возрождение, реформацию, научную революцию, Просвещение и Французскую и промышленную революции» [8, с. 73]. Правда, Бёрк не делает акцента на том, что микроисторический подход нарративизма неизбежно приводит к «распылению» предмета истории, сведению его к априорно выведенным «частным» дискурсам. Как справедливо подчеркивает Дж. Тош (J. Tosh), постмодернистский релятивизм лишь частично изжит в нарративном подходе. «В своей крайней форме история культуры – и особенно “лингвистический поворот” – очевидно, во многом подрывает традиционные основы исторической науки. Возникла совершенно новая идея, что репрезентация – это единственно возможная область исторического исследования», отмечает он [9, с. 259].

Хотя нарративизм в аналитической философии истории декларирует себя как новую постисторическую позицию, освободившуюся от дискурсивного релятивизма, в ней сохраняется свойственное постмодерну понимание историка не как ученого, исследователя, а как *автора*. Выдвинутый Х. Уайтом тезис о значимости исторического воображения, предельно толерантное отношение к свободе интерпретации делает авторскую оригинальность канонической для создания нарратива. Нарратив – это возможность представить совокупность исторических событий в новом свете, когда уникальными являются не описываемые события, а то, как они связываются в единую интерпретационную схему. Однако, словно осознавая опасность авторского произвола в постструктуралистском подходе, Анкерсмит, с другой стороны, стремится умерить и осадить авторскую свободу историка. «Интерпретация – это не перевод. Прошлое – это не текст, который должен быть переведен в нарратив историографии <...> Теперь следует избегать другой крайности – понимания историографии как формы литературы», - отмечает Анкерсмит [10, с. 118]. Нарративный подход, убежден Анкерсмит, может успешно лавировать между такими крайностями, как создание универсалистской «модели охватывающего закона» и свойственного литературе маргинального произвола. Анкерсмит справедливо отмечает, что расхождение между сторонниками постмодернизма и пост-истории не в стилистике и подходе (они порой удивительно схожи), а в понимании стоящей за историческим исследованием эпистемологии. «Реальный спор между историком и постмодернистом касается природы исторического опыта и места исторической реальности в историческом освоении прошлого», - подчеркивает он [10, с. 365]. Обратим внимание на следующие словосочетания в приведенном высказывании: «*исторический опыт*» и «*историческая реальность*». Для Анкерсмита это – взаимосвязанные категории. Постмодернисты, полагает он, ставят во главу угла идею деконструкции. Подчеркивая множественность и случайность исторических феноменов, они стремятся к лавинообразному размножению репрезентаций и дискурсов, которые понимаются как языковые обобщения (по выражению Л. Госсмена (L. Gossmen), история вступает в стадию «фрагментарного характера»). Нет необходимости добавлять, что конкурирующие дискурсы находятся в постоянном конфликте. Анкерсмит неоднократно отмечает, что «постмодернизм» для него – не школа или направление, а мировоззренческая установка, предельно широкий интеллектуальный подход наподобие позитивизма или Просвещения. Преодоление постмодернизма, по Анкерсмицу, достигается в случае обретения трех установок: 1. Исторический опыт есть нечто *большее*, чем языковое выражение; поэтому его изучение требует выработки новейших эмпирических, не-лингвистических подходов (что и реализуется в концепте «возвышенного опыта»); 2. При максимальной степени

свободы историк, как автор, *не является столь же маргинальным*, как литератор; поскольку он творит нарратив (понимаемый не как вымысел, а как репрезентацию прошлого, пусть и частично выраженную в виде эстетической формы); 3. Исторические феномены, равно как и опыт людей прошлого обладают незлиминируемой суверенностью, имеющей иммунитет от любого переописания (по этому поводу удачно высказывается Г. Иггерс (G. Iggers): «Если мы демонтируем границу между фактом и фикцией и приравняем историю к вымыслу, то как мы можем защитить себя от утверждения, что Холокоста никогда не было?») [11, с. 165].

Нельзя не признать, что в авторском подходе постмодернистов, кроме определенных теоретических и практических достижений, присутствует явная «привлекательность», щедро сдобренная либеральной риторикой. Так, И. Берлин полагает, что в обширном море исторических трудов и концепций наиболее «заметными», так или иначе, оказываются ярко выраженные оригинальные подходы и точки зрения. Ему вторит М. Оукшотт (M. Oakesott), который подмечает: «Задача “историка” заключается в том, чтобы создать перевод и понять поведение людей и события прошлого так, как они никогда не понимались в свое время; перевести действия и события с их практического языка на исторический язык» [12, с. 150]. Складывается представление, что история – это сложный, запутанный мир, полный хитросплетений и тайн, в которых может разобраться исключительно историк. Обратим внимание и на то, что Оукшотт иронично заключает слово «историк» в кавычки, явственно выражая сугубо дискурсивный характер истории. Как считает видный теоретик постмодернизма П. Андерсон (P. Anderson), современная история утратила «форму большого нарратива»; она больше не опирается на такие взаимосвязанные идеи Просвещения, как разум, человечество и науку.

Подобная точка зрения в настоящий момент уже сложилась как завершенная методологическая концепция. Характерно, что, наряду с философами истории, атаку на постмодернистский исторический релятивизм повели и, казалось бы, такие «чистые» эпистемологи, как Х. Патнэм (H. Putnam). В «Разуме, истине и истории» (1981) Патнэм выдвигает аргументы против релятивизма, подчеркивая, что такие идеалы исследования, как объективность, беспристрастность, последовательность, рациональность не потеряли свою актуальность в каком бы то ни было историческом исследовании. Это напоминает известный аргумент Д. Дэвидсона (D. Davidson), который, признавая в теории недостижимость объективной истины, на практике приветствует обретение объективности, насколько это возможно. В метамодернизме (одном из самых известных культурологических проектов наших дней), некоторые теоретики отмечают тупики постмодернистской историографии: «Сегодня, когда История, похоже, получила новый импульс, постмодернистская лексика все больше демонстрирует неспособность справиться с изменившейся социальной ситуацией. Это в равной степени относится как к дискуссиям об Истории» [13, с. 42]. Выведенный Р. Рорти «историцистский поворот», сводящий историческое исследование к анализу сугубо конкретных вопросов о прошлом, апеллируя к уникальности (равно как и случайности) языка рассматриваемого прошлого, в настоящий момент представляется как откровенно релятивистский. Также наблюдается постепенное снижение значимости деконструктивистских и маргинальных исторических разработок. Вместе с тем, становится очевидной дробность и измельченность микроисторических проектов (в качестве примера приведем дотошное и доскональное описание судебного процесса в «Судье как историке» К. Гинзбурга (K. Ginsburg)). На наш взгляд, к началу XXI в. аналитическая философия истории и историография пришли к убеждению, что постмодернистский маргинальный подход и детализированная конкретизация

микроистории выступают двумя крайностями, между которыми следует проложить некий «средний путь».

Заключение

В завершение попытаемся обозначить две ключевые положительные идеи современной пост-истории, которые находятся уже «по ту сторону» постмодернизма и его критики. Это идеи *исторической памяти* и *метафоры*. Теория метафоры в аналитической философии заложена Дэвидсоном, выдвинувшего точку зрения о наличии специфически метафорического употребления слов и высказываний. Применительно к философии истории теория метафоры включает в себя *символическую* трактовку исторических понятий и обобщений, согласно которой метафора позволяет «репрезентировать» прошлое; к примеру, «Ренессанс» понимается не только как концепт, но и как попытка освоения, приспособления исторической действительности. Исторические метафоры, получается, маркируют прошлое, но не как знаки, а как символы; они наполнены «эйдетическим» содержанием, поскольку «эстетизируют» прошлое в виде эмблематически, непосредственно схватываемых, образных слов, которые, будучи расплывчатыми и неопределимыми с рациональной точки зрения, оказываются понятны и созвучны нашему опыту. «Цель метафоры состоит в том, чтобы предложить максимум непрерывности (и эпистемологически, и онтологически, как мы бы сказали в наше время) между объектом восприятия и самим актом восприятия», - пишет Анкерсмит [10, с. 103]. Тем самым, исчезает зазор в понимании между прошлым «самим по себе» (или описываемым прошлым) и его репрезентацией. Символизация исторического периода как «эпохи Ренессанса» значима для нас не менее, нежели для творцов и участников этой эпохи, поскольку позволяет нам в виде емкого метафорического слова схватить «общий ход», «лейтмотив» исторического периода. Посредством метафоры выстраивается коммуникативная связь между «прошлым» и репрезентацией этого прошлого, между «событиями» и «нарративом».

Общую суть метафорического подхода в современной историографии передает Х. Уайт, который пишет: «Возврат исторической мысли к Метафорическому типу позволит отказаться от всех попыток найти какой-либо определённый смысл истории. Элементы исторического поля окажутся представленными для комбинации бесконечным числом способов точно так же, как элементы восприятия у свободного художника. Важным моментом является то, что историческое пространство рассматривается (так же, как поле восприятия) в качестве повода для создания образов, а не материала для концептуализации. Так стирается само представление об исторической семантике <...> Метафорическая историография — это средство, которым отменяются общепринятые правила исторического объяснения и построения сюжета <...> Историческая репрезентация становится ещё раз целиком историей (story) — не сюжетом, не толкованием, не идеологическим смыслом, — то есть “мифом” в его первоначальном значении» (14, с. 429]. Со времени выхода «Метаистории» критическая рецепция внутри аналитической философии истории привела суждения Уайта в более строгую, научную форму. Уайт видит значение метафоры в выражении сложных и запутанных аспектов коммуникации опыта историка и опыта прошлого. Однако каким образом происходит такая коммуникация? Ответ в следующем: пост-исторический «режим» рассматривает «настоящее» открывающимся для возможностей прошлого и, как таковое, встраивается в цепочку, постепенно сменяющих друг друга модусов «исторического чувства». В этом контексте пост-историзм, в самом

деле, оказывается *метамодернизмом*, поскольку все базовые подходы постмодерна уже теоретически преодолены, «заключены в скобки». Налицо принципиально иной язык и дискурс, где выстраиваются не лингвистические, а «опытные» каналы исторической коммуникации («ностальгический опыт» Анкерсмита, «травматический опыт» Жижека, «преодоление забвения» Рикера (P. Ricoeur) и др.).

Как бы мы ни была избирательна историческая память, она существует всегда. «Память о прошлом» является категорией, которая проблематизируется с самого начала, если мы подойдем к ней с эпистемологической точки зрения. В отличие от памятников, документов, засвидетельствованных крупных событий и исторических личностей, прошлое не может рассматриваться в качестве заранее установленного объекта. Как полагает Рикер: «История может расширить, дополнить, скорректировать, даже опровергнуть свидетельство памяти относительно прошлого, но она не в состоянии упразднить память. Почему? Потому что, как нам кажется, память остается хранилищем высшей конститутивной диалектики прошлого, т. е. отношения между “больше не”, подчеркивающим характер завершенности, упраздненности, преодоленности, и “было”, говорящем об изначальном и в этом смысле нерушимом характере» [15, с. 690]. При переходе от истории к пост-истории исторический опыт понимается в качестве основной формы обретения, хранения и переживания памяти. Нарратив только репрезентирует и интерпретирует содержание опыта и памяти, а его метафоры стремятся, в сущности, не постичь прошлое, а оставить его предельно нетронутым.

Литература

1. Анкерсмит, Ф.Р. (2007), *Возвышенный исторический опыт*. Москва: Изд-во «Европа».
2. Берлин, И. (2002), *Подлинная цель познания*. Москва: Канон+.
3. Томпсон, П. (2003), *Голос прошлого. Устная история*, 2003.
4. Хайдеггер, М. (1997), *Бытие и время*. Москва: Ad Marginem.
5. Ландгребе, Л. (1997), Размышления по поводу слов Гуссерля “Die Geschichte ist das grosse Faktum des absoluten Seins” // *Метафизические исследования. Выпуск 3. История*. Санкт-Петербург: Алетейя. С. 180 – 198.
6. Данто, А. (2002), *Аналитическая философия истории*. Москва: Идея-Пресс.
7. Анкерсмит, Ф. (2003), *Нарративная логика. Семантический анализ языка историков*. Москва: Идея-Пресс.
8. Бёрк, П. (2016), *Что такое культуральная история?* Москва: Издательский дом Высшей школы экономики.
9. Тош, Дж. (2000), *Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка*. Москва: Изд-во «Весь мир».
10. Анкерсмит, Ф.Р. (2003), *История и тропология: взлет и падение метафоры*. Москва: Прогресс-Традиция.
11. Доманска, Э. (2010), *Философия истории после постмодернизма*. Москва: «Канон+» РООИ «Реабилитация».
12. Оукшотт, М. (2022), *Рационализм в политике и другие статьи*. Москва: Идея – Пресс.

13. Ван дер Аккер, Р., Вермюлен, Т. (2022), Периодизируя 2000-е, или Появление метамодернизма // *Метамодернизм: Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма*. Москва: РИПОЛ Классик.
14. Уайт, Х. (2002), *Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века*. Екатеринбург, Изд-во Уральского университета.
15. Рикёр, П. (2004), *Память, история, забвение*. Москва: Изд-во гуманитарной литературы.

References

1. Ankersmit, F.R. (2007), *Sublime Historical Experience*. Moscow: Europe Publ. (In Russian)
2. Berlin, I. (2002), *True Purpose of Knowledge*. Moscow: Kanon+ Publ. (In Russian)
3. Tompson, P. (2003) *The Voice of the Past: Oral History*. Moscow: Ves' Mir Publ. (In Russian)
4. Heidegger, M. (1997), *Sein und Zeit*. Moscow: Ad Marginem Publ. (In Russian)
5. Landgrebe, L. (1997), Meditation uber Husserls Wort "Die Geschichte ist das grosse Faktum des absoluten Seins" // *Metaphysical Investigations*. Vol. 3. History. pp. 180 – 198. (In Russian)
6. Danto, A. (2002), *Analytical Philosophy of History*. Moscow: Ideya-Press Publ., 2002. 292 pp. (In Russian)
7. Ankersmit, F. (2003), *Narrative Logic. A Semantic Analysis of the Historian Language*. Moscow: Idea-Press Publ. (In Russian)
8. Berk, P. (2016), What is Cultural History? Moscow: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki Publ. (In Russian)
9. Tosh, J. (2000), *The Pursuit of History. Aims, Methods and New Direction in the Study of Modern History*. Moscow: Ves' Mir Publ. (In Russian)
10. Ankersmit, F.R. (2003), *History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor*. Moscow: Progress-Tradiciya Publ. (In Russian)
11. Domanska, E. (2010), *Philosophy of History after Postmodernity*. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitaciya» Publ. (In Russian)
12. Oakshott, M. (2002), *Rationalism in Politics and Other Essays*. Moscow : Idea – Press Publ. (In Russian)
13. Van der Akker, R., Vermulen, T. (2022), Periodization of 2000s of the Emerging of Metamodernism // *Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after Postmodernism*. Moscow: RIPOL Classic Publ. pp. 39 – 82. (In Russian)
14. White, H.(2002), *Metahistory: Historical Imagination in Europe in the 19th Century*. Ekaterinburg: Ural University Publ. (In Russian)
15. Ricoeur, P. (2004), *La Memoire, l'histoire, l'oubli*. Moscow: Gumanitarnaya literature Publ. (In Russian)

Контактная информация:

Никоненко Сергей Витальевич - д-р филос. наук, проф.; s.nikonenko@spbu.ru
Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Author's information:

Sergei V. Nikonenko – Dr. Sci. in Philosophy, Professor; s.nikonenko@spbu.ru
St. Petersburg State University,
7 – 9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation